

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

Marco Puleri (2020). *Ukrainian, Russophone, (Other) Russian: Hybrid Identities and Narratives in Post-Soviet Culture and Politics*. Berlin: Peter Lang.

Александр Чертенко

Гисенский университет им. Юстуса Либига

<https://doi.org/10.36169/2227-6068.2020.01.00026>

Еще в 2010 г., начиная свою статью о феномене билингвизма в украинской русскоязычной поэзии, ныне покойный киевский литературовед Наталья Мазепа показательно заявляет ее как часть «проекта будущего» — «истории украинской русскоязычной литературы». Указывая, что подходы к такому проекту осуществлялись еще в брежневское время, однако ни к чему не привели из-за «идеологических догм», исследовательница утверждает, что в настоящее время — в 2010-м! — «уже выработаны теоретическая основа, главные стратегии, методологические ориентиры» (Мазера 2010: 60). Тем не менее, и теперь, в году 2020-м, такая литературная история остается ненаписанной, а после 2014 г. может показаться, что и ненаписуемой¹. Война на Донбассе существенно усилила «стремление современного украинца к выразительной идентичности» (Polishchuk 2016: 106) националистического толка, превратив «русскость» в отчетливо негативный параметр. В России одним из ее следствий стала активизация процессов медиального и культурного присвоения «русского» (русскоязычного, русофонного) как «российского». Эти процессы, повлекшие за собой политизацию самого русского языка как языка высказывания и идентификации с «русским», привели к значительному усложнению русскоязычной литературы. Оказавшись в поле противоборствующих идентификаций, последняя вынужденно реагирует на связанную с этим политизацию, меняя как форму и содержание художественных высказываний, так и сам язык выражения (заметный дрейф от, собственно, русофонии к билингвизму), а также некоторые внетекстовые практики (прежде всего практики конструирования и презентации автора). Одновременно усложняется и научная рецепция этого феномена. Последняя, очевидно, более не может ограничиваться первичным описанием «культурных связей» или практиками инкорпорирования русскоязычных авторов в украинскую или русскую литературу, которые киевская исследовательница и называла «уже выработанной теоретической основой» (Ibid.).

Одной из первых попыток нащупать более адекватную и неизбежно более сложную «теоретическую основу» для изучения русскоязычной литературы в Украине в монографическом формате является новая книга итальянского слависта Марко Пулери «Украинское, русскоязычное, (иное) русское. Гибридные идентичности и

---

¹ Симптоматично, что и в 2010-м статья Мазепы была напечатана в рубрике «Погляд» («Мнение»), как бы маркирующей маргинальность, спорность высказанного исследовательницей тезиса об «украинскости» русскоязычной поэзии из Украины.

нарративы в постсоветской культуре и политике». Исследование представляет собой переработанную версию италияязычной монографии автора на ту же тему (Puleri 2016), примерно наполовину расширенную за счет новейшего материала. В плане, так сказать, общей перспективы взгляда она примыкает к корпусу исследований русскоязычной литературы, сформировавшемуся за пределами русскоязычного постсоветского ареала. В качестве «ориентиров» исследования Пулери можно назвать работы Кевина Платта о русскоязычных авторах из латвийской группы «Орбита», Виталия Чернецкого о русскоязычных писателях Украины до и после Евромайдана, Дирка Уффельмана о поэзии украинского автора Бориса Херсонского, Нины Фриесс о русскоязычной поэзии Казахстана, Марии Рубинс об «exterritoria» русской культуры в XX – начале XXI ст. и некоторые другие (Platt 2013; Chernetsky 2019; Uffelmann 2019; Friess 2019; Rubins 2019)¹. С точки зрения методологии рецензируемая книга эксплицитно примыкает к постколониальной линии, которую на схожем материале развивали упомянутые выше Уффельман и Чернецкий. Симптоматично, что Дирк Уффельман также является соредактором серии «Постколониальные подходы к Восточной Европе» («Postcolonial Perspectives on Eastern Europe»), 8-м томом которой, собственно, и является рецензируемая монография.

Будучи первой попыткой систематического изучения «современных культурных тенденций в Украине сквозь призму русскоязычной литературной продукции и позиции русскоязычного интеллектуального сообщества» (с. 36), работа Пулери отмечена всеми преимуществами и недостатками первопроходческих текстов. Присоединяя к гуманитаристике новые тематические области и намечая пути их освоения, такие тексты с необходимостью остаются фрагментарными, не лишенными противоречий и неточностей. Это касается и исследовательской оптики данной монографии, которую ее автор подробно разъясняет во введении. В центре здесь находится теоретическое осмысление «вопроса вопросов» постколониальных исследований Восточной Европы, а именно соотношения посткоммунизма (постсоциализма) и постколониализма. На примере Светланы Алексиевич Пулери констатирует «присутствие целого ряда точек пересечения между двумя феноменами «пост»: постколониальными языковыми и культурными гибридами, текстовой и идентичностной детерриториализацией, конфликтующими бинарными дискурсами [, которые] проявляются в различных формах и в то же время в духе классического колониализма проникают в культурные контексты новых стран, возникших на пепелище коммунизма» (с. 23).

Наиболее интересным и продуктивным полем такого «пересечения», которое также лежит в основе украинской русскоязычной культуры, Пулери не без оснований считает «пересмотр так называемого деления на Восток и Запад в самом сердце Европы». Такой пересмотр, по его мнению, открывает возможности для «глобальных контактов и междисциплинарных исследовательских подходов» (с. 23). Что это за междисциплинарные подходы и какие именно контакты имеются в виду, проясняется ближе к концу вступления: речь идет о «глобальной тенденции транснационализации

---

¹ Следует отметить, что работы литературоведов, работавших и работающих в самих России и Украине, Пулери упоминает и цитирует по остаточному принципу.

культурных практик» (с. 37). Эта чрезвычайно продуктивная «глобальная» перспектива, однако, — отмечу, забегая наперед, — во многом остается многообещающей заявкой. Тексты, с которыми работает в основной части Пулери, крайне поверхностно соотносятся с текстами некоторых других русофонных культур (в частности, казахской, о которой сообщается через реферат работы Дмитрия Мельникова), а в блоке, посвященном собственно текстовому анализу, не контекстуализируются вовсе. Без такого сопоставления русскоязычные тексты из Украины так и остаются частью традиционного постсоветского русско-украинского поля референции с его многократно проанализированными историческими, мемориальными и национально-идентичностными конфликтами — а не поля «глобальных русских культур» (Кевин Платт), о котором с энтузиазмом говорится во введении (с. 14 и далее).

Недопроясненным остается и вопрос о «модельности» украинской русскоязычной литературы для прочих «глобальных русских культур». Во введении и в начале первой главы, ссылаясь на Марию Ревакович и Георгия Касьянова, — здесь можно было бы вспомнить и Украину как «лабораторию границ» у Карла Шлөгеля (Schlögel 2015: 62), — исследователь настаивает на том, что именно «пространство украинской литературы в долгосрочной перспективе точнее отражает пространство гибридных форм и споров вокруг них, характерные для постсоветских стран» (с. 34), и на этом основании называет Украину «лабораторией политической (-их) и культурной (-ых) идентичности (-ей)» (с. 48). Однако ни из введения, ни из дальнейших глав книги никак не следует, в чем состоит эта ее «лабораторность» и почему Украина годится на роль «модели» больше, чем, скажем, Беларусь, к литературе которой относится, в частности, и «модельное» для поликультурности творчество Светланы Алексиевич. Трудно избавиться от подозрения, что роль лаборатории, как и в случае со Шлегелем, здесь как минимум отчасти продиктована вне-, а не внутрикультурными факторами, в частности, упоминаемой Пулери чередой революций (с. 34), которая сделала Украину видимой для западного зрителя как «поле катастроф».

Требует уточнения и собственно постколониальная подоплека процесса «транснационализации культурных практик», центрального для исследовательской оптики работы. Именно из-за некоторой недодуманности собственно постколониальных координат исследования, надо полагать, не получает полноценного ответа вполне резонный — и, опять-таки, потенциально очень продуктивный — вопрос о том, «на каких уровнях литература посткоммунистических стран является постколониальной» (с. 24). Единственным измерением постколониальности посткоммунистического, о котором подробно говорится в монографии, выступает вынесенная в заглавие гибридность. Этот параметр, по мысли исследователя, является осевой характеристикой украинской русскоязычной литературы с ее прочной связью с советским наследием и его постсоветской национализацией, многоуровневой социокультурной динамикой, экстерриториальностью и сложным балансом культурной и идентичностной (не)принадлежности. Задавая его концептуальные параметры, Пулери опирается не столько на построения Хоми Бабы, сколько на попытку Анджали Прабху выработать конкретный инструментарий для диагностирования «исторического момента,

действия или географического пространства как гибридного» (с. 35) (Prabhu 2007: 14). Такая опора вполне соответствует исследуемому материалу. Понимание культурной гибридности не как «утопического», «абсолютного» ответа на колонизацию, а как исторически изменчивой суммы практик, которая, не исключено, не отсылает ни к какой колонизации в классическом смысле слова, позволяет куда адекватнее исследовать множественные «русские субъективности» (с. 14) в Украине, их укорененность в «культурных дискуссиях имперского и советского времени» и в «политическом столкновении национальных парадигм в постсоветское время» (с. 36), а также исторически конкретные культурные трансформации этих «субъективностей» до и после Евромайдана. В то же время при использовании категории гибридности применительно к русскоязычной литературе Украины следовало бы, очевидно, более последовательно учитывать принципиальное различие между, условно говоря, гибридностью, навязанной культурной политикой (имперского) центра ((анти-)колониальная гибридность), и субверсивной гибридностью по типу Хоми Бабы (постколониальная гибридность). Упоминая об этом различии в первой главе со ссылкой на Мирослава Шкандрия, Пулери в дальнейшем оперирует куда более расплывчатым, эссенциализированным понятием «неустраняемая (*inherent*) гибридность постсоветских реалий» (с. 54). Между тем обе разновидности гибридности предполагают существенно отличающиеся между собой формы культурной самоидентификации (в том числе и в постколониальных координатах), а смещение границы между ними, нередко прослеживающееся в творчестве и в автохарактеристиках одного и того же писателя, достаточно выразительно характеризует изменения в посткоммунистическом/постколониальном статусе конкретного ареала русскоязычной литературы в целом. Также не вполне понятно, почему автор книги ограничивает гибридность лишь двумя культурами, вынося за скобки, например, немаловажную еврейскую составляющую (и, разумеется, далеко не только ее). Будучи характерной для части русскоязычных авторов Украины (Bugago 2020) (например, для неоднократно упоминаемого в монографии Бориса Херсонского), она подключает к русско-украинскому уравнению иные исторические и культурные контексты, чрезвычайно важные для понимания специфики «транснационализации культурных практик» в Украине как *многослойного* — а не как *дуального*, сугубо русско-украинского — феномена.

Структура основной части книги, составленной из двух разделов — «От культуры к политике — смещенная (-ые) гибридность (-и), 1991-2013» и «О политике к культуре — после революции гибридности, 2014-2018», — подчинена логике «до Евромайдана — после Евромайдана». В рамках этой логики 2014 год предстает как своеобразная цезура, радикально меняющая статус и режимы (ре)презентации русофонной гибридности. В первой части доминирует литературоведческая оптика; во второй, составленной из отдельных, не всегда бесшовно подогнанных друг другу статей, в соответствии с еще не оформившимся актуальным материалом на первое место выходит анализ дискурсивного (в том числе политического и юридического) поля, в которое погружены собственно литературные и культурные феномены.

В первой главе («Отсутствующая гибридность. Фреймы украинского культурного пространства») Пулери предлагает экскурс в историю «примечательной

дуальности национальной культуры» (с. 53) Украины (опять-таки без привлечения иных культурных контекстов). Его начало маркирует реферативный анализ двух архетипных фигур, русскоязычного украинца Гоголя и украиноязычного украинца Шевченко, а конец — чрезвычайно интересное рассмотрение дискуссии на сайте ЛитАкцент (с. 74-80), демонстрирующей широкую палитру взглядов на русскоязычность (и русскоязычную литературу) в «домайданной» Украине. При этом из экскурса прискорбным образом выпадает все украинское нациестроительство XIX — первой половины XX вв., демонстрирующее широкий репертуар языковой, культурной и идентичностной гибридности, который далеко не сводится к модели Гоголя. Не учитывает Пулери и весь послевоенный дискурс украинской литературы с его чрезвычайно важной в контексте исследуемой темы традицией автоперевода на русский и эмигрантской саморефлексией. Создается ощущение, что анализируемые в стык с Шевченко и Гоголем постсоветские языковые и культурные противостояния, феномены «индивидуальных биэтноров» (Валерий Хмелько) и «языковых идеологий» (Владимир Кулик), возникают как бы сами из себя, в лучшем случае как реакция на расширительно понятое «советское». Между тем они вырастают — по крайней мере, в литературе и культуре — из многообразной работы с текстами и языковыми практиками авторов из «выпавших» периодов, и учитывать эту работу, очевидно, все-таки следовало бы. Известному упрощению способствуют также исключение целого ряда имперских (или квазиимперских) контекстов, в частности польского (с обоснованием, с. 50) и австро-венгерского (без обоснования), редукция регионального разнообразия «22 Украин», о которых говорится со ссылкой на одноименное эссе историка Ярослава Грицака (с. 61), до привычных уже Донбасса, Галиции, Киева и Харькова и последовательное игнорирование локализации дискуссионтов в той или иной части политического спектра (правые, левые, центристы). В итоге читатель имеет дело с, так сказать, автореферентной пестротой общей картины. Наблюдая ее, конечно, можно сделать вывод о разнообразии позиций и взглядов, но невозможно понять, насколько репрезентативными являются такие взгляды и с какими историко-культурными, региональными и идеологическими группами они соотносятся.

Во второй главе «Постсоветская (русскоязычная) Украина говорит в ответ» Пулери через анализ украинского литературного рынка 1990-2000-х гг. показывает парадоксальность — и «гибридность» — отношений центра и периферии в культурных (само)идентификациях постсоветской Украины. Воспринимаемая изнутри украинской национальной культуры как периферийное явление, русскоязычная культура, по наблюдению Пулери, является доминирующей, если исчислять ее в цифрах продаж и реимпорта из России. С этим, как отмечает исследователь, связан процесс «„ассимиляции“ украинских [русскоязычных] писателей в рамках российского рынка» (с. 93) в домайданный период. Это, в свою очередь, выдвигает на передний план проблему различения «между русскоязычной литературой», зачастую идентифицируемой с Украиной, и «литературой русской диаспоры» (с. 97). Многообразие стратегий идентификации, отличающее первую от второй, по мысли исследователя, конституирует подлинную гибридность русскоязычной литературы — с ее программным отклонением от бинарности украинских национальных

самоидентификаций и многообразием «„малых“ (*minor*) нарративов», возникающих «в маргинальном пространстве, изнутри которого пишут свои тексты носители русскоязычных субъективностей» (с. 113-114). Сам по себе весьма продуктивный, этот вывод, с моей точки зрения, требует уточнения по крайней мере с трех позиций. Во-первых, идентифицируя принадлежность того или иного автора к «русскоязычной» или к «диаспорной» литературе прежде всего через его, автора, прямое самоопределение, Пулери фактически привилегирует экстратекстовый фактор (в частности идеологически обусловленные предпочтения и преобладающие в литературном поле конструкты фигуры автора) перед «„малыми“ нарративами», которые далеко не всегда находятся в прямой зависимости от такого самоопределения. Во-вторых, подобная априорная гибридность ощутимо противоречит установке на замену «утопического» видения анализом конкретно-исторических конфигураций. В-третьих, здесь снова-таки не хватает внимательности к региональной и групповой специфике, которая могла бы служить средоточием между индивидуальной авторской позицией и формирующими ее контекстами.

В третьей главе, «Маргинальный взгляд на национальные нарративы. Детерриториализация постимперской эпистемологии», — пожалуй, наиболее интересной в первой части, — исследователь параметрирует некий базовый русофонный нарратив постсоветской Украины до 2013 г. Опорой здесь служит известная концепция «малой литературы» Делеза и Гваттари: именно как «малую» литературу внутри сразу двух «больших», институционализированных (украинской и русской) Пулери парадоксально рассматривает русскоязычную литературу Украины. Как следует из текста главы, в русско-украинском историческом контексте характерное для «малых» литератур субвертирование «большой» (в данном случае — «больших») культур(ы) с необходимостью приобретает постколониальное измерение, которое преобразует субверсию «снизу», с маргинеса, в совокупность «процессов конкурентного обмена фрагментами имперских и колониальных дискурсов» (с. 120). Именно со статусом русскоязычной культуры как «малой» исследователь справедливо связывает такие сквозные черты русскоязычных текстов из Украины, как «хронотоп промежуточности» (Мадина Тлостанова), поэтику лиминальности и перформативную политичность, проистекающую из их статуса «коллективных высказываний» (с. 121). Указанные черты убедительно демонстрируются на примере творчества трех писателей — Андрея Куркова, Алексея Никитина и Владимира Рафеенко, до сих пор крайне редко становящемся объектом литературоведческого анализа.

В четвертой главе, открывающей вторую, «постмайданную», часть монографии («Переосмысление гибридности. Пограничные практики в Украине после „кризиса“»), Пулери фиксирует основные вызовы и шансы для русскоязычной гибридности, связанные с политическими и социокультурными последствиями Евромайдана и войны на Донбассе. В этом контексте он выдвигает важный тезис о том, что «эпистемологический кризис предшествовал политическому и способствовал его эскалации, а не наоборот» (с. 162). (Аналогичный тезис, сообщающий изучению литературных и публицистических текстов некий прогностический статус, можно вычитать, например, в статье историка Андрея Портнова о культурных репрезентациях Донбасса в Украине (Portnov 2016a & 2016b; Пулери цитирует Portnov 2017);

насколько такой статус является реальностью, а насколько — утешительной иллюзией, оставим здесь за скобками.) По мысли исследователя, «революция гибридности» [sic!], т.е. Евромайдан, и война на Донбассе запустили «долгожданный [кем?] процесс болезненного самоопределения украинской русскоязычной литературы» (с. 179). Оптимистический диагноз состоит в том, что гибридность и связанная с ней «готовность к приятию Другого» «центростремительно» распространяются в Украине после 2013/14 г. «от спорных украинских границ в направлении центральных территорий, постепенно принимая вид широкого социального процесса „снизу“, который можно считать непосредственным результатом гибридизирующего импульса революции» (с. 174). Этот диагноз, однако, явственно противоречит давлению «унифицирующей репрезентативной модели» (с. 169) националистического образца, неотрывному от военной мобилизации, что отмечает и сам автор (с. 180).

Противоречие это Пулери пытается решить в пятой главе («Ценности на службе (постсоветской) нации»), где рассматриваются особенности языковой политики, практики декоммунизации и общественно-политическая дискуссия после 2014 г. Стремление к «унифицирующей репрезентативной модели» приписывается здесь политическим актерам, причем как в России, так и в Украине (с. 184), а также писателям-националистам из «материковой» России (с. 202-205) или — со ссылкой на Инну Булкину — украиноязычным авторам (с. 169). Русскоязычная литература Украины, напротив, подается как средство создания «размытых культурных границ» (с. 184), которое имеет неоспоримый гибридизирующий эффект и является субверсивным уже на основании используемого ею (нетитульного) языка и маргинального статуса «малой». Оптимистический взгляд на «революцию гибридности» проступает и здесь. Если Россия, по мысли Пулери, реализует унифицирующий потенциал «сверху» (с. 198), «от политики к культуре», то в Украине, как он неоднократно подчеркивает, движение идет «снизу», от «народа» и от «культуры» к политике (с. 182, 185, 193, 198, 205), — даже несмотря на то, что в целом нельзя не заметить наличия «симметричных моделей в отношениях между государством и обществом в Украине и в России» (с. 200). К сожалению, желание защитить революцию (и войну) как импульс к производству литературной и культурной гибридности (а не национальной моновалентности) — вопреки тому, что анализируемый материал отчаянно сопротивляется этому, — не выдерживает критики. (Показательно, что в финале пятой главы Пулери опять-таки сам признает, что «сегодня взаимодействие между полем культуры и полем политики существенно уменьшилось в результате столкновения дискурсов, запущенного политическими элитами каждой из стран», с. 206.) Чтобы убедиться в этом, достаточно бегло ознакомиться с обширным корпусом украинских военных текстов русско- или двуязычных авторов из Украины, от Олены Степовой до Евгения Положия и от Александра Мамалую до Бориса Херсонского. Последние содержат обширный репертуар диффамаций в адрес «донбасской» (а также и южно- и восточнукраинской) гибридности с ее недостаточно четкими границами и недостаточно «проукраинскими» ориентирами (Chertenko 2019; Uffelmann 2019) и к тому же активно черпают свой вокабуляр из официальных и провластных медиальных источников.

В главе 6 («К постколониальной этике. Переписывание Украины на „языке врага“») Пулери на примере трех авторов — тех же Никитина и Рафеенко, а также Александра Кабанова — пытается нащупать некую «постколониальную этику», артикулируемую русскоязычными авторами изнутри русского языка, который все ощутимее соотносится с «вражеским», «колонизаторским». Полемизируя с Дмитрием Быковым, утверждавшим, что российско-украинский конфликт сделал неизбежным постепенный переход украинских русскоязычных авторов на украинский язык (с. 208-209), исследователь настаивает на том, что для русофонии «по-прежнему существует пространство для „третьей позиции“, исходящей из „постколониальной ориентации“» (с. 209). Эту «третью позицию» он связывает преимущественно с «преобразованием ряда параметров, таких как язык и этничность, в более текучие маркеры идентичности» (с. 209-210). В главе артикулируется три разновидности такого «преобразования»: «детерриториализация русскости» (с. 210), в частности в формате нормативизации украинского варианта русского языка¹; «демистификация как российских, так и украинских исторических нарративов» (ее воплощение исследователь видит в поэзии Кабанова) и несколько туманный «отказ от идентификации с историческими нарративами» (с. 228), анализируемый на примере текстов Никитина и Рафеенко. Эта крайне любопытная трактовка, впрочем, представляется несколько натянутой. Сравнивая третью и шестую главу монографии, на две трети посвященные одним и тем же авторам (Никитин и Рафеенко), трудно сразу сказать, в чем именно исследователь усматривает «более текучие маркеры идентичности» в позднейших текстах авторов по сравнению с «домайданными». Скорее, можно сделать вывод, что и в том, и в другом случае речь идет о фокусировании на «кризисе гегемониальных нарративов идентичности [и] переписывании форм выражения, закрепленных в традиции, через пародирование и обилие интертекстуальных отсылок» (с. 119). Симптоматично также, что один из трех героев шестой главы (Рафеенко), чей роман «Долгота дней» (2017) приводится как доказательство «пересмотра русскости в рамках украинскости» (с. 210) после 2013 г., в своем позднейшем романе «Мондегрин» (2019) тоже переключается с русского на украинский. Это обстоятельство вполне может служить перформативным аргументом против тезиса о некоей «текучей гибридности» после 2014 г. В пользу новых, пусть и непростых перспектив русскоязычной гибридности в Украине времен революции и войны также не свидетельствуют ни упомянутый в заключении («Будущее „русскости“ в постмайданной Украине») переход еще двух значительных русскоязычных авторов — Бориса Херсонского и Ии Кивы — в стан билингв и отчасти на национальные позиции (с. 239-241), ни высказываемый последней «мрачный взгляд на будущее русскости в постмайданной Украине» (с. 240). Напротив, здесь напрашивается вывод об очередной реактуализации давно известной связки «беллицизма и нации» (Leonhard 2008), не совместимой ни с какими «размытыми культурными границами» и доступной для описания при помощи не столько постколониальной, сколько колониальной или антиколониальной терминологии.

¹ При этом Пулери парадоксальным образом называет эту идею Куркова «исключительным явлением на [украинской] национальной литературной сцене» (с. 212).

Суммируя, можно утверждать, что в случае с книгой Марко Пулери мы имеем дело с давно назревшей работой, в которой русскоязычная литература Украины впервые систематически исследуется как гибридный дискурс и лиминальная культурная практика. Несмотря на то, что книга содержит целый ряд спорных или недостаточно аргументированных положений, предлагаемый в ней подход дает исследователю надежную концептуальную рамку, позволяющую проанализировать субверсивный потенциал русскоязычной литературы, что представляется особенно важным в контексте «униформирования» политики и культуры в Украине и России. Это, в свою очередь, позволяет осмыслить обе литературы/культуры, по-разному включающие в себя русофонную продукцию, как многоуровневые, динамичные системы, в которых в изменчивых пропорциях сочетаются элементы колониального, анти- и постколониального. Тем самым монография как минимум отчасти реагирует на необходимость построения сложных, далеких от бинарности и от описательности конструкций при анализе восточноевропейских социокультурных реалий из постколониальной перспективы. Остается лишь сожалеть о том, что столь многообещающий импульс в книге Пулери во многом остается половинчатым, не до конца реализованным. В особенности это касается пристального чтения текста, на которое приходится лишь две главы из шести и всего четверо авторов — что особенно досадно, т.к. именно в этих главах автору удастся наиболее убедительно продемонстрировать сложность и многообразие русофонных стратегий гибридности. Несколько обедняет текстовую базу исследования и то, что все сколько-нибудь подробно анализируемые в нем тексты локализованы лишь в двух украинских регионах — Киеве и Донбассе. В результате вне внимания автора оказывается множество крайне интересных феноменов русскоязычной литературы, так или иначе связанных с Украиной. К ним принадлежат, среди прочего, творчество представителей ряда других региональных школ — житомирской, днепроградской, харьковской (Krasniashchikh 2015) и закарпатской (Bandy Sholtes), творчество русскоязычных авторов, оставшихся на оккупированных территориях Донбасса, в т.н. ДНР и ЛНР, а также выехавших из этих регионов и Крыма в Россию, тексты писателей-билингв (например, Евгения Положия), литературная продукция авторов из России, эмигрировавших после 2014 г. в Украину и в различной степени ассоциирующих себя с ней (Аркадий Бабченко, Галина Рымбу) и др. Правда, как отмечает Пулери во введении, его книга изначально не претендовала на статус «истории украинской русскоязычной литературы» и потому не «учитывает все ее современные варианты и всех представителей» (с. 37). Тем не менее она, несомненно, является одним из первых, чрезвычайно трудных и чрезвычайно важных шагов, которые намечают возможную методологию работы с русофонным литературным материалом и тем самым делают возможным написание такой «истории», чья необходимость была очевидна в 2010 г. и еще более очевидна сегодня.

Библиография:

- Burago, Dmitrij. (2020). Schriftsteller jüdischer Herkunft in der ukrainischen Literaturlandschaft an der Wende vom 20. zum 21. Jahrhundert. *Blondzhende stern. Jüdische Schriftstellerinnen und Schriftsteller aus der Ukraine als Grenzgänger zwischen den Kulturen in Ost und West*, Schoor, Kerstin, Voloshchuk, Ievgeniia & Bigun, Borys (eds.). Göttingen: Wallstein, 292–312.
- Chernetsky, Vitaly. (2019). Russophone Writing in Ukraine: Historical Contexts and Post-Euromaidan Changes. *Global Russian Cultures*, Platt, Kevin M.F. (ed.). Madison (WI): University of Wisconsin Press, 48–68.
- Chertenko, Alexander. (2019). "Hier gibt es keine Unschuldigen." Die Mikrokolonisierung des Donbass in Jevhen Položijs "Ilovajs'k". *Porównania* 1: 69–84.
- Friess, Nina. (2019). Young Russophone Literature in Kazakhstan and the „Russian World“. *Resignification of Borders: Eurasianism and the Russian World*, Friess, Nina & Kaminskij, Konstantin. Berlin: Frank & Timme, 149–174.
- Krasniashchikh, Andrey. (2015). Rusukrlit kak on yest' [From Russ.: Russian-Ukrainian Literature as It Is]. *Novyi mir* 9, https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2015/9/rusukrlit-kak-on-est.html (accessed September 3, 2020).
- Leonhard, Jörn. (2008). *Bellizismus und Nation. Kriegsdeutung und Nationsbestimmung in Europa und den Vereinigten Staaten 1750-1914* [From Germ.: Bellicosity and Nation. The Interpretations of War and the Identification of Nations in Europe and the United States, 1750-1914]. München: Oldenbourg.
- Mazepa, Nataliya. (2010). Bilinhvizm. Epizod chy tendentsiya? (Suchasna ukrayins'ka rosiys'komovna poeziya) [From Ukr.: Bilingualism. An Episode or a Tendency? (Contemporary Ukrainian Russian-Language poetry)]. *Slovo i Chas* (2): 60–77.
- Platt, Kevin M.F. (2013). Eccentric Orbit: Mapping Russian Culture in the Near Abroad. *Empire De/Centered: New Spatial Histories of Russia and the Soviet Union*, Turoma, Sanna & Waldstein, Maxim (eds.). Farnham: Ashgate, 271–296.
- Polishchuk, Yaroslav. (2016). *Reaktyvnist' literatury* [From Ukr.: *The Reactivity of Literature*]. Kyiv: Akademydav.
- Portnov, Andriy. (2016a). Ausschluss aus dem eigenen Land. Der „Donbass“ im Blick ukrainischer Intellektueller [From Germ.: Exclusion from the Own Nation. The "Donbass" from Ukrainian Intellectuals' Perspective]. *Osteuropa* 6–7: 171–185.
- Portnov, Andrey. (2016b). "Donbass" kak Drugoy. Ukrainskie intellektual'nye diskursy do i vo vremia voyny [From Russ.: "Donbass" as the Other. Ukrainian Intellectual Discourses Before and During the War]. *Neprikosnovennyi zapas* 6: 103–118.
- Portnov, Andrii. (2017): The Arithmetic of Otherness: "Donbas" in Ukrainian Intellectual Discourse. *Eurozine*, June 1, <http://www.eurozine.com/the-myth-of-the-two-ukraines> (accessed September 3, 2020).
- Prabhu, Anjali. (2007). *Hybridity: Limits, Transformations, Prospects*. New York: State University of New York Press.
- Puleri, Marco. (2016). *Narrazioni ibride post-sovietiche: Per una letteratura ucraina di lingua russa* [From It.: *Post-Soviet Hybrid Narrations. On Ukrainian Literature in Russian*]. Firenze: Firenze University Press.
- Rafeenko, Vladimir. (2017). *Dolgota dney* [from Russ.: *The Length of Days*]. Kharkov: Fabula.
- Rafeenko, Volodymyr. (2019). *Mondegrin: Pisni pro smert' ta liubov* [from Ukr.: *Mondegreen: Songs of Death and Love*]. Chernivtsi: Meridian Chernovits.
- Rubins, Maria. (2019). A Century of Russian Culture(s) "Abroad": The Unfolding of Literary Geography. In: *Global Russian Cultures*, Platt, Kevin M.F. (ed.). Madison (WI): University of Wisconsin Press, 21–47.
- Schlögel, Karl. (2015). *Entscheidung in Kiew. Ukrainische Lektionen*. München: Hanser.

Uffelmann, Dirk. (2019). Is There Any Such Thing as “Russophone Russophobia”? When Russian Speakers Speak Out Against Russia(n) in the Ukrainian Internet. *Global Russian Cultures*, Platt, Kevin M.F. (ed.). Madison (WI): University of Wisconsin Press, 207–229.